

Глеб Иванович Успенский

Остановка в дороге

Очерки переходного времени

Глеб Успенский

Остановка в дороге

«Public Domain»

1868

Успенский Г. И.

Остановка в дороге / Г. И. Успенский — «Public Domain»,
1868 — (Очерки переходного времени)

«...— Все едут к празднику... всем бог дал! Только кондуктору нет праздника!— Отчего так?— Оттого, что нечем мне, кондуктору, услужить проезжающему! Ежели даст проезжий двадцать копеек — так и то бога благодаришь! Ямщики, старосты, смотритель — все отберут от проезжающего! Подсадить не дадут, под ручку поддержать!.. А у кондуктора шесть человек детей! У него тоже должен быть праздник — я ведь крещеный! Хотя бы чем-нибудь мне услужить вам, господин! Кондуктор замолк, очевидно что-то соображал и, наконец, придумал, как «услужить»: захрипел он на своей исковерканной трубе какую-то чудовищную песню, — чем поистине отравил все чарующие впечатления весны: впечатления оживающих дымящихся теплом полей, игривых, радующихся, певучих потоков, блестящую светлую звучность весеннего воздуха — все это кондуктор растерзал воплями своей трубы...»

Содержание

1	5
2	7
3	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Глеб Иванович Успенский

Остановка в дороге

1

Шестая неделя великого поста была на исходе.

Из столиц и губернских городов, по железным дорогам, в ямских тарантасах, на перекладных тройках, – и в особенности на «своих на двоих», – несло множество всякого рода людей в деревню, в усадьбу, «ко дворам». Все это, измаянное зимним сезоном, измученное черной работой, стремилось отдохнуть, отдышаться, а главное, поспеть домой к празднику.

Весеннее солнце было до такой степени живительно, что весь этот утомленный, усталый, измученный народ, с его громким говором, раздававшимся в вагонах, на вокзалах, на постоянных дворах и в толпах пешеходов, гремел так же шумно, весело, задорно, как гремела по всем буеракам разгулявшаяся весенняя полая вода.

Дилижанс, в котором я выехал из Москвы¹, был также в достаточной степени охвачен всеобщим веселым расположением духа. Все пассажиры как-то необычайно скоро перезнакомились друг с другом еще в почтовой конторе и через пять или десять минут все чувствовали себя закадычными друзьями. Единственным исключением был кондуктор, которого омрачало именно это общее веселое настроение проезжающих. Постоянно высовывая из своей каморки (я сидел на переднем месте) свой тощий еврейский облик, он с завистью смотрел на меня и, видя, что и я чувствую себя хорошо и весело, тяжело вздыхал и со вздохом произносил какую-нибудь жалобную фразу:

– Все едут к празднику... всем бог дал! Только кондуктору нет праздника!

– Отчего так?

– Оттого, что нечем мне, кондуктору, услужить проезжающему! Ежели даст проезжий двадцать копеек – так и то бога благодаришь! Ямщики, старосты, смотритель – все отберут от проезжающего! Подсадить не дадут, под ручку поддержать!.. А у кондуктора шесть человек детей! У него тоже должен быть праздник – я ведь крещеный! Хоть бы чем-нибудь мне услужить вам, господин!

Кондуктор замолк, очевидно что-то соображал и, наконец, придумал, как «услужить»: захрипел он на своей исковерканной трубе какую-то чудовищную песню, – чем поистине отравил все чарующие впечатления весны: впечатления оживающих дымящихся теплом полей, игривых, радующихся, певучих потоков, блестящую светлую звучность весеннего воздуха – все это кондуктор растерзал воплями своей трубы. К счастью, шедший впереди обоз заставил его прекратить его терзающую музыку и затрубить так, как это полагается кондуктору. Обругав отборными словами мужиков, которые еле успели посторониться от мчавшегося дилижанса, он еще раз выглянул из своей каморки, очевидно желая убедиться, понял я его услугу или нет? Он играл и ругался, – неужели и это не рекомендует его со стороны желания услужить? Но приметив, что этого для меня, очевидно, мало, он и еще постарался увеличить мое удовольствие и нашел для этого необходимым показать ямщику, что он, кондуктор, – начальник.

– Чего спишь, – Мишка – Васька – Федька, – как вас там всех звать, не знаю? Пошел!

Но Мишка, или Васька, или Федька сидел на облучке, и впечатление этого облучка было светлое: сидел там человек, думающий не об угождении господам, а о жизни в деревне, в своей избе, в своей трудовой свободе. Серый армяк, иногда сменяющийся черным армяком или изодраным полушубком, сделает тысячи услуг, не зная о том, не считая их. Этот армяк один,

¹ Московско-Курской дороги еще не существовало.

только один из всех проезжающих в дилижансе, добровольно мокнет на дожде, подставляет свою грудь ветру и лицо морозу, и благодаря именно ему мы спокойно мчимся вперед.

Подошел вечер, стало темно, морозно, холодно; чувствовалась потребность надвинуть шапку на самые уши, потеплее закутать колени, ноги, руки... Обаяние весны значительно убавилось, а потом и совсем исчезло. Холодные порывы ветра усиливались по мере приближения нашего дилижанса к большой станции, стоявшей в центре большого подмосковного города на Оке. По мере приближения к месту остановки ямщик начал особенно громко и почти непрерывно кричать фореитору; фореитор, почти не переставая, свистал и звонким, детским голосом кричал: «сва-арра-чивай!..», «с да-арро-ги!..» Желая угодить проезжающим, кондуктор принялся трубить в трубу; резкий и хриплый звук его изломанного инструмента почему-то напоминал шесть человек детей, которым надо пить и есть... Несмотря на это гиканье ямщика, фореитора и кондуктора, дорога делалась труднее с каждым шагом. Фонарь, мерцавший с одного боку кареты (свечку другого фонаря кондуктор вез семейству), освещал мужицкие дровни, троечные телеги, толпы людей, двигавшихся к городу; вот мелькает какая-то окутанная рогожами карета; вон худенькая фигурка жеребенка отскочила от дилижанса, зацепив ногой за постромку и зазвонив колокольчиком, и карета вынуждена была ехать шагом.

Теснота от экипажей и людей, запрудивших улицы города, страшная. Вот какие-то освещенные окна; какие-то люди двигаются с фонарями между карет и дымящихся лошадей...

– Станция! – говорит кондуктор и, соскочив, принимается откидывать подножки у дверей кареты.

– Г<осподи>н смотритель! – взбежав на ступени станции, зовет нетерпеливый проезжающий. – Пожалуйста, прикажите поскорее запрягать!

– Запрягать нельзя-с!..

– Как? Почему?

– Повреждение моста!.. Мост загорожен... А перевоз приостановлен...

– Почему приостановили перевоз?

– Ледоход очень большой... Старожилы не запомнят...

Всеобщий протест, негодование, брань.

Ко всему этому оказывается, что на станции уже переполнены все помещения и что вновь прибывающие должны пережидать ледоход в грязных «нумерах» и «гостиницах».

2

Гвоздевское подворье, на которое пришли мы (я и еще один купец), своим видом и устройством напоминало, с одной стороны, постоялый двор, с другой – гостиницу из числа тех, которые любят назвать себя каким-нибудь интересным прозвищем – «Барнаул», «Карлсбад». Эти два рода качеств, заимствованных от гостиницы и постоялого двора и соединенных воедино для удобства господ проезжающих, характеризуют вообще всякое подворье. Грязный двор, обнесенный навесом; колодец с железной бадьей, громыхающей на железной цепи; хозяин с почтительными и тихими манерами, успокоительно действующими на проезжего; жирная баба-солдатка, охотница до подсолнухов, кисейных фартуков и проезжих молодцов, от которых она, впрочем, любит увернуться, выскочив со звонким смехом из жаркой кухни в широкие сени, – вот, главным образом, качества, заимствованные от постоялых дворов.

Качества, заимствованные от гостиницы «Барнаул», гораздо заметнее и многочисленнее. Во-первых, проезжему для ночлега отводят на подворье, как и в гостинице, номер, а не кладут его, как на постоялом дворе, рядом с богомольцем или богомолкой, близ кровати молодого хозяйского сына с супругой. Правда, в коридоре, по которому проезжающий идет в номер, носятся синие волны самоварного дыма; обстановка номера, с темными стенами, самодвигающейся и самопадающей мебелью, производит на него грустное впечатление, – но для успокоения его существует хозяин: он так искусно подтолкнет коленом разрушенную кровать к стене, так незаметно сколупнет ногтем наросты сала со стола, с окна и дивана, так солидно скажет: «будьте покойны», «не извольте беспокоиться», что проезжающий действительно успокоится и примирится со всем. Кроме того, водворяя проезжего в номере, хозяин объявляет ему, «что, в случае ежели что потребуется, – человека кликните, он завсегда тут... не отходит от буфету». Следовательно, проезжему, пожелавшему съесть или выпить, не нужно, как на постоялом дворе, странствовать по пустынным сеням, попадая то в чулан, то в спальню, отыскивая человека, который бы принял в нем участие. Следовательно, на подворье можно видеть и буфет и человека. Буфет состоит из темнокрасного двухэтажного шкафа с тусклыми стеклами, дающими, впрочем, возможность видеть, что в шкафу находится салфетка, вилка, пробка и синяя с рисунками тарелка. Тут же можно видеть и человека: он обыкновенно помещается против шкафа, на руке его всегда надет чей-нибудь сапог, на оконнике всегда виднеется черепок с ваксой; человек этот любит говорить: «ссию минуточку», «подаю-с!»; любит рассказать проезжему, сняв с него сапоги, о том, что у одного барина украли шубу в триста целковых, что недавно «у нас» останавливалась генеральша с двумя дочерьми и очень была благодарна; привык он также на вопрос проезжего насчет обеда вытаскивать из бокового кармана писаную карту кушаний, переминаясь с ноги на ногу, внимательно слушать, как барин перебирает эти «бекштесы», «волован аля мушкар», «...с кнелю» и проч., и затем также привык сообщать, что «этого нету», не готовили, потому не требуется, а есть одна солонина; но в особенности любит он забраться к барину в номер, перерыть в чемоданах, выпить из бутылок с крепкими напитками все, что в них содержится, и растянуться поперек коридора... Все это он делает с человеком, не понимающим, что такое в подворье буфет, номера и проч. «Настоящий» посетитель подворья – мелкий уездный чиновник, проезжающий к Троице-Сергию с женой и ребенком, уездный купец, заехавший в город, чтобы посоветоваться с приказным, сельский священник, чтобы посетить консисторию, все они всегда будут довольны подворьем; им не нужно ни буфета, ни карточки кушаний. Исконный проезжающий прямо требует солонину; он невзыскателен насчет грязи номеров, чашек, тарелок; все это ему знакомо у себя дома; он, напротив, здесь, на подворье, чувствует себя как дома, ему все давно знакомо, все друзья-приятели: он любит расспросить, разузнать, зайти в кухню поговорить с кухаркой:

– Ну что же, Авдотья, как без мужа-то? скучно, а?..

Хорошо ему живется здесь. К нему привыкла прислуга и хозяин и знают, как угодить ему.

Проезжающие, наполнившие номера и общую комнату Гвоздевского подворья в тот день, о котором идет речь, большею частью были не «настоящие» проезжающие, что поставило хозяина, и буфет, и человека в весьма неопределенное положение, почти равномерное тому, которое испытывали и проезжие, укладываемые на голые доски кроватей. Но практический ум хозяина и «понятие» человека выручили их из беды; видя, что в подворье наехал народ «благородный», хозяин порешил прежде всего заламывать за всякую безделицу самые несообразные цены; человек сообразил, что тут надо бросить мужицкие привычки и действовать посредством порций; припомнил он также слова: «по-ганбургски», «с гарниром», выпрямился, вскинул салфетку на плечо и принялся действовать так, что в короткое время все проезжие единогласно вопияли о каком-то, будто бы, дневном грабеже, происходящем здесь.

Между тем к крыльцу подлетали поминутно новые тройки и пары; в коридор и номера подворья, набитые битком тюками, чемоданами, людьми, входили какие-то новые лица, в черкесских шапках, в остроконечных башлыках, и так же, как и на почтовой станции, громко требовали:

– Лошадей!

– Перевозу нету, вашескобродие! – в миллионный раз отвечал мокрый и запотевший староста. – Лед идет!

– Как лед? Я по казенной надобности!

Всякий новый проезжающий вносил своим появлением новый элемент, несколько разнообразивший вялую беседу проезжего общества. Общество это, несмотря на фактические доказательства невозможности ехать далее, продолжало размышлять на те же вопросы: «Как нет перевозу!», «Что такое лед, лед?» Появление нового лица, его расспросы, почему нет проезду и проч., давали некоторое право на продолжение этих тлетворных разговоров; но едва новый проезжий подзывал человека и приказывал принести себе что-нибудь съесть, как весь интерес нового лица исчезал, потому что и он внезапно начинал толковать о каком-то, будто бы, дневном грабеже, происходящем здесь, то есть становился в разряд обыкновенных проезжающих, решивших уже этот вопрос.

3

Быть участником такого времяпровождения делалось, наконец, совершенно невозможным; некоторые из проезжих торопились лечь спать; мы с купцом выхлопотали себе каморку, где-то на чердаке под лестницей, которая почти загораживала наше окно, и принялись пить чай. Во время этого занятия шли у нас разговоры о разных, имеющих более или менее практический интерес, вещах; наконец мы попробовали спать, но в комнате было жарко, а с дороги делалось просто душно. Кроме того, в коридоре и в соседних номерах шли беспрестанные разговоры и ходьба, от которой в нашем номере шевелилась мебель и на самоваре дрожала крышка.

– Однако зверек-то покусывает! – шептал купец, ворочаясь на диване под своей мерлушкой. – Они свежее мясо зачужали... Ишь! так и рвут шкуру-то!..

Духота, соединенная с непроницаемой тьмою, была вдвойне невыносима. Я зажег свечку и стал курить.

В это время развинтившаяся ручка двери зашевелилась, и в комнату высунулась голова.

Эта голова принадлежала кондуктору.

– Обеспокоил? – как-то вяло проговорил маленький человек.

– Нет, мы не спим...

Кондуктор был в коротеньком и тесном казенном сюртуке с светлыми пуговицами; лицо его было усиленно-красно и потно, и страдальческая черта на лбу вылетала еще приметнее, чем днем. Очевидно, его угостил станционный смотритель. Медленно сел он на стул у двери, молча посмотрел на нас и проговорил:

– Покойно вам было в экипаже, молодой человек?

– Очень покойно.

– Н-ну... покорнейше вас благодарю!.. Я всей душой... Я жизнью своей не дорожу для господ пассажиров. Прикажете чем-нибудь услужить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.